

Пол Стюарт
Крис Ридделл
Хроники Края. За Темными Лесами
Серия «Хроники Края»
Серия «Сага о Прутике», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142521

*Хроники Края. За Темными Лесами : повесть / Крис Ридделл, Пол Стюарт: Параллель, Фрегат;
Москва; 2015*

ISBN 5-86067-005-2, 5-7293-0020-4

Аннотация

Прутик, брошенный в лесу мальчик, которого воспитали лесные тропли, как-то раз решает совершить то, чего не совершал ни один обитатель Леса: сходит с лесной тропы. Так начинаются его захватывающие приключения.

Прутику предстоит встретиться с ужасными и смешными душегубцами, сиропными гоблинами, злыдневрогами и другими существами. Но сможет ли он узнать тайну своего прошлого?

«Хроники Края» (также известная как «Воздушные пираты») – одна из самых интересных приключенческих серий для подростков. Книга «За Темными Лесами» – первая часть подсерии «Сага Прутика».

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	24
Глава третья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Крис Ридделл, Пол Стюарт

Хроники Края. За Темными Лесами

Посвящается Джозефу и Уильяму

Paul Stewart and Chris Riddell
BEYOND THE DEEPWOODS

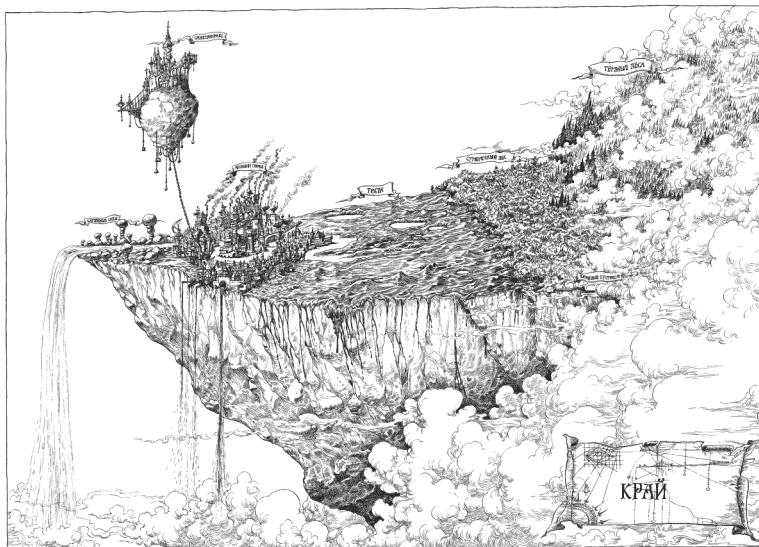
First published as “The Edge Chronicles 4: Beyond the Deepwoods” by
Random House Children’s Publishers UK, a division of The Random House Group
Ltd

Copyright © Paul Stewart and Chris Riddell, 1998

© Ю. В. Шор, перевод на русский язык, наследники, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Пролог

Далеко-далеко, рассекая пространство, как огромная резная фигура на бушприте величественного каменного корабля, простирается Край. С отвесной скалы, нависающей над бездной, низвергается бесконечный бурный поток.

Клокочущая, вздыбленная вода, завывая и рыча, в кружении падает с уступа вниз, в туманную пустоту. Трудно даже представить себе, что, подобно всякому необъятному, громящему водному массиву, исполненному горделивого могущества, и этот водопад когда-то был совсем иным. И все же в истоке своем река Края – всего лишь маленький, неприметный горный ключ. Река берет начало в глубине материка, высоко в горах, где раскинулись непроходимые Темные Леса. Там можно найти небольшой пруд, на поверхности которого булькают пузыри, – именно оттуда узкой ленточкой спускается по песчаному руслу выходящий ручеек.

Он теряется в густой непроходимой чаще, великолепием своим тысячекратно затмевая тонкую струйку воды. Темные Леса, окутанные таинственной мглой, таят в себе смертельную опасность для всякого, кто называет их своим домом. Обитает там странный народ: лесные тролли, душегубцы, гоблины-сиропщики, сварливые пещерные чудища. Под солнцем, отбрасывающим пятна света сквозь высокий зеленый шатер, и под мерцающей луной многочисленные племена и кланы борются там за жизнь.

Она, жизнь, там нелегка – любое неосторожное движение грозит гибелью, и беда подкарауливает за каждым кустом: наводящие жуть создания, хищные деревья, совершающие опустошительные набеги полчища свирепых тварей, огромных и совсем крохотных... Но лес приносит пользу своим обитателям, превеликим охотникам до сочных плодов, что свисают с ветвей. Воздушные пираты и разносчики товара из Лиги Свободных Купцов и Предпринимателей соперничают за право торговли в этих местах, и не раз они вступали в бой высоко над бескрайними, как океан, зелеными кронами.

Там, где опускаются облака, лежит Край – пустынная, голая, полная ночных кошмаров земля, над которой вихряются туманы и витают духи. Судьба заблудившихся на этой равнине незавидна. Счастливики добираются вслепую до кромки обрыва и с уступа ныряют вниз в поисках смерти. А те, кому повезло еще меньше, бесконечно блуждают в Сумеречном Лесу. Красота Сумеречного Леса, вечно купающегося в струящемся приглушенном солнечном свете, зачаровывает, но это предательская красота. Одурманивающий, пьянящий воздух

леса опасен: тот, кто долго будет дышать им, забудет причину, которая привела его сюда, заблудится и покончит с жизнью, если только жизнь сама раньше не оставит его.

Иногда мертвую тишину Края нарушают шторма. Сумеречный Лес притягивает ураганы, как магнит – железные опилки; ветра устремляются к нему, как мотыльки, летящие к огню; иногда буря неистовствует в течение нескольких дней. Порой от ударов молнии образуется гролофракс – необыкновенно ценное вещество, которое, несмотря на чудовищные опасности, таящиеся в Сумеречном Лесу, в руках того, кто завладеет им, действует как магнит или огонь.

Сумеречный Лес, спускаясь, уступает место топкой трясине. Литейные мастерские Нижнего Города столь долго сливали сюда отработанную грязную жижу, что земля вокруг стала мертвой. Но все же и здесь есть живые существа. Это – мусорщики, уборщики, с вечно красными глазами и посеревшими лицами. Некоторые из них предлагают себя в роли проводников, указывающих путникам дорогу среди пустынного ландшафта, где перемежаются переполненные отбросами рвы и смердящие канавы; эти вожатые заводят путешественников в самые глухие места, где грабят их и бросают на произвол судьбы. Тот, кому все-таки удалось перебраться через трясину, оказывается в густонаселенном районе, где стайками лепятся друг к другу убогие хижины, а покосившиеся развалюхи тянутся по обоим берегам несущей свои полные воды реки. Это Нижний Город. Город грязный, перенаселенный, в нем часто вспыхивают беспорядки, и все же он считается крупным экономическим центром. Он шумит, гудит и кипит энергией. Каждый житель обязан заниматься определенным ремеслом, входить в особую Лигу и жить в строго отведенном месте. Из-за этого между горожанами возникает жестокая конкуренция: интриги, заговоры, вечные споры – стенка на стенку, Лига на Лигу, торговец на торговца.

Единственное, что объединяет членов Лиги Свободных Купцов и Предпринимателей, – это страх перед воздушными пиратами, властителями небес; их небесные корабли вольно парят над Краем, преследуя злополучных торговцев.

В самом центре Нижнего Города лежит огромное железное кольцо с прикованной к нему длинной тяжелой цепью, уходящей прямо в небеса: ее натяжение то усиливается, то ослабевает. Другой конец цепи прикован к огромному летучему камню. Подобно всем другим воздушным камням Края, этот валун зародился в Каменных Садах – он высунулся из земли, подталкиваемый другими глыбами, находящимися под ним, и стал расти. Цепь приковали к нему, когда он стал достаточно большим и легким, чтобы взлететь в небеса. Вот на нем-то и был построен чудесный город, получивший название Санктафракс. Санктафракс, чьи высокие стройные башни соединяются виадуками и подвесными дорогами, – город ученых. Там обитают философы, алхимики и их ученики. В городе множество библиотек, научных лабораторий, лекториев, столовых и залов отдыха. Науки, изучаемые здесь, сложны и непонятны, а тайны знаний ревностно оберегаются от посторонних глаз. И хотя непосвященному атмосфера города может показаться вполне старомодной и даже отчасти застоявшейся, а отношения книжников – вполне добрососедскими, на самом деле Санктафракс – это бурлящий котел страстей, что полон соперничества, заговоров и ожесточенной борьбы между различными группировками. Темные Леса, Краевые Пустоши, Сумеречный Лес, Топи и Каменные Сады, Нижний Город и Санктафракс – названия на географической карте. И за каждым из них стоит множество историй – историй, записанных на древних свитках, историй, которые переходят из уст в уста, от поколения к поколению, историй, которые рассказываются и по сей день.

Одну из таких историй мы и хотим вам поведать.

Глава первая

Хижина дровосеков

Мальчик Прутик сидел на полу, у колен своей матери-троллячихи. Он пытался поглубже зарыть озябшие пальцы ног в густой ворс ковра, потому что по хижине гулял сквозняк.

– Я хочу рассказать тебе, откуда у тебя такое имя, – сказала мать.

– Да я уже давно знаю эту историю, мамуля, – возразил мальчик.

Спельда вздохнула. Прутик затылком почувствовал ее теплое дыхание и ощутил острый запах маринованных бродячих водорослей, которые она ела на обед. Пища лесных троллей никогда не вызывала энтузиазма у мальчика; особенно же ненавистны ему были водоросли, а тем более маринованные – склизкие и пахнущие тухлыми яйцами.

– Но в этот раз моя история будет звучать немножко по-другому. Сегодня я расскажу тебе ее до самого конца.

Прутик нахмурился:

– Мне казалось, что я и так знаю все от начала до конца.

Спельда взъерошила его густые темные волосы. «Как быстро он вырос!» – подумала она, утерев слезу с кончика своего толстого, картошкой носа.

– У каждой истории могут быть разные концы, – печально сказала она, глядя, как отблески алого пламени вспыхивают на высоких скулах и остром подбородке ребенка. – С первого мгновения ты был не таким, как все.

Прутик согласно кивнул. Как трудно, как необыкновенно трудно было ему расти, зная, что он не такой, как все. И все же его забавляла мысль о том, как, наверно, удивились его родители, когда он появился на свет: смуглый, темноволосый, зеленоглазый мальчишка с гладкой кожей и необычайно длинными для лесного тролля ногами. Он неотрывно глядел на огонь. Воздушное дерево горело очень хорошо. Пурпурные всполохи окутывали коротенькие, толстые поленья, и они, потрескивая, послушно переворачивались на другой бок, когда их ворошили кочергой. Лесные тролли умеют выбрать себе дрова по вкусу и знают, что каждое дерево горит по-своему. Душистое дерево, например, когда его положишь в очаг, начинает испускать дурманящий аромат, и тот, кто вдыхает его, погружается в сладкие, полные ярких грез сны, а серебристо-бирюзовая древесина колыбельного дерева начинает петь дикие, печальные песни, как только огонь вгрызается в ее кору, и ее грустные мелодии, конечно же, не всякому придется по вкусу. А еще печку можно топить таким деревом, как дуб-кровосос, ствол которого плотно оплетает лиана-паразит – ползучее растение, известное под названием смоляная лоза. Добывать древесину дуба-кровососа крайне опасно. Если тролль не знает лесных законов, он может погибнуть в алчной пасти дуба, заглатывающего свою жертву живьем, ведь и дуб-кровосос, и смоляная лоза – самые опасные деревья в Темных Лесах.

Конечно, древесина дуба-кровососа дает много тепла, но, когда дрова горят в печке, они не издают приятного запаха и уж, разумеется, не поют. Они охают и стонут, и их заунывный вой отпугивает обитателей чащи. Нет, пожалуй, воздушное дерево – самое любимое у лесных троллей. Поленья весело трещат в печке, и яркое алое пламя приносит в жилища мир и покой.

Спельда продолжила свой рассказ, и Прутик зевнул. У нее был низкий грудной голос, и казалось, что она не говорит, а воркует.

– В четыре месяца ты уже умел ходить, – сказала она, и мальчик ощутил гордость в словах матери. – А ведь дети лесных троллей обычно ползают на четвереньках до полутора лет, – тихо прошептала Спельда.

Неожиданно для себя самого увлекшийся повествованием мальчик ждал продолжения. Наконец настало время для «но». И каждый раз, когда наступал этот момент, дыхание у него прерывалось, а сердце уходило в пятки.

– Но, – произнесла она, – хотя в физическом развитии ты сильно опережал сверстников, говорить ты не умел. Тебе уже исполнилось три года, но ты все еще не произнес ни одного слова.

Она повернулась на стуле.

– Я думаю, не нужно повторять, сколь это было серьезно. – Мать вздохнула еще раз, и еще раз Прутик с отвращением отвернулся.

Он внезапно вспомнил, чему учил его Вихрохвост: «Чуешь, откуда ты родом?» Прутик понял, что могло значить это выражение: по нюху всегда можно распознать дух родного дома. Но что если он ошибался? Может, прав был эльф-дубовичок, который, как всегда небрежно, добавил: «Если ты воротишь нос от запахов родного дома, значит, это не твой дом».

Прутик, чувствуя себя виноватым, сглотнул слюну. Он часто мечтал о другом доме, когда после целого дня издевательств и насмешек укладывался в своей конуре.

Сквозь окно было видно, как на изрезанном листвой небе солнце опускалось все ниже.

Стройные стволы сосен Темного Леса сверкали в закатных лучах, как застывшие молнии.

Прутик знал, что снег выпадет сегодня вечером, еще до возвращения отца. Он подумал о Тунтуме, который ушел в Темные Леса, далеко за Якорное дерево. Может быть, как раз сейчас он вонзает свой острый топор в ствол дуба-кровососа.

Прутик содрогнулся. Истории, которые рассказывал ему отец поздними вечерами, ско-вывали его сердце ужасом. Отец его, Тунтум-дровосек, добывал деньги незаконным промыслом, ремонтируя корабли небесных пиратов. Это значило, что для починки ему требовалась летучая древесина, а самым лучшим деревом для такой работы был дуб-кровосос.

Прутик не был уверен, что отец любит его. Когда он возвращался домой с разбитым носом, с фонарем под глазом и вываленный в грязи, ему хотелось, чтобы отец обнял его, приласкал и успокоил.

Вместо этого Тунтум давал советы, нет, скорее даже отдавал приказания:

– Пойди и разбей им носы в кровь. И каждому поставь фонарь под глазом. И вываляй их в грязи. Даже не в грязи, а в дерьме. Покажи им, кто ты такой.

Потом мать, прикладывая к синякам примочки из живительных ягод, объясняла, что отец желает ему добра и только хочет подготовить мальчика к суровым испытаниям внешнего мира. Но Прутика не убеждали ее слова. В глазах отца он видел не любовь, но лишь презрение.

Пока мальчик в задумчивости наматывал на палец длинную прядь своих темных волос, Спельда продолжала рассказ.

– Имена, – говорила мать, – без них нам, лесным троллям, некуда деться. Имена приручают диких зверей, имена позволяют нам сказать, кто мы есть. У нас в лесу есть одно

золотое правило: «Не знаешь, как называется, не ешь». Вот теперь ты понимаешь, сынок, почему я так волновалась, что у тебя, трехлетнего, все еще не было имени.

Мальчик вздохнул. Он знал, что тролль, умирающий безымянным, обречен на вечный полет в открытом небе. Дело было в том, что Обряд Нарекания не мог состояться, пока ребенок не произнес своего первого слова.

– И я действительно был немым, мамуля? – спросил Прутик.

Спельда отвернулась.

– Ни одного слова до той поры не слетело с твоих уст. Я уж думала, что ты пошел в своего прадеда, Визила. Он тоже не умел говорить. – Она вздохнула. – И вот в тот день, когда тебе исполнилось ровно три, я решила, что Обряд Нарекания должен состояться во что бы то ни стало.

– А я похож на прадедушку Визила?

– Нет, Прут, – ответила Спельда. – Никогда в нашем роду не бывало дровосека, на которого бы ты походил. И вообще троллей вроде тебя никогда не было.

Прутик дернул себя за прядь накрученных на палец волос.

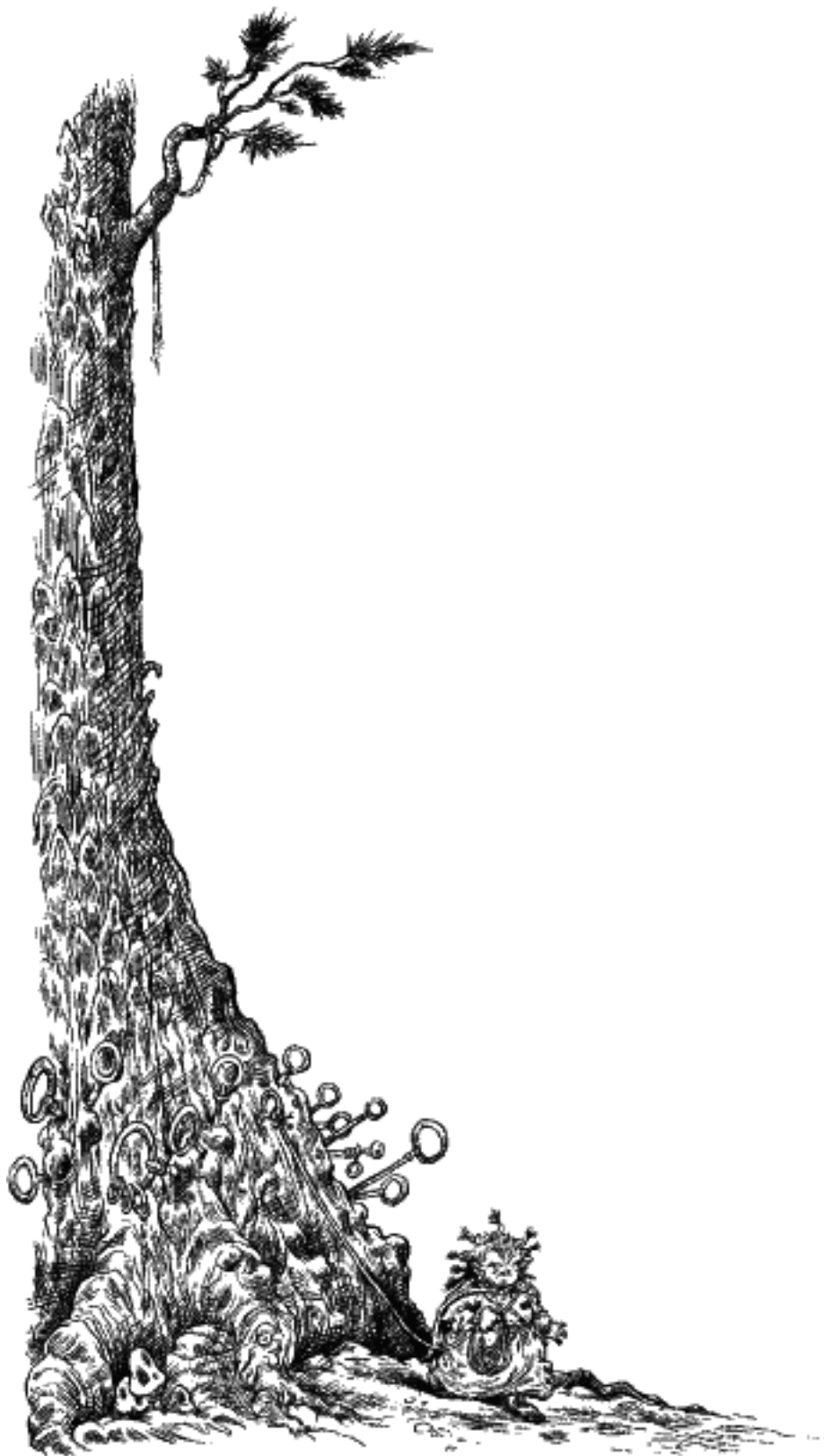
– Я некрасивый, да? – спросил он.

Спельда засмеялась. Когда она улыбалась, ее пухлые щечки раздувались еще больше, а маленькие серовато-карие глазки тонули в складках грубой кожи.

– Вовсе нет, – ответила она. Спельда наклонилась и обняла сына своими длинными руками. – Ты всегда был и будешь для меня самым прекрасным мальчиком на свете. – Она замолчала. – Ну, так на чем мы остановились?

– На Обряде Нарекания, – напомнил ей Прутик. Он неоднократно слышал историю о том, как получил имя, но всякий раз надеялся услышать что-нибудь новое для себя.

В тот день ранним утром Спельда отправилась по тропе, ведущей к Якорному дереву. Она привязалась веревкой к его могучему стволу и углубилась в Темные Леса.

Путешествие было опасным: веревка могла порваться или запутаться, а лесные тролли больше всего на свете боятся заблудиться.

Всякий, кто сойдет с тропы и потеряет дорогу, неминуемо встретится с Хрумхрымсом – самым страшным и ужасным из всех существ, населяющих Темные Леса.

Каждый тролль живет в страхе, опасаясь встречи с ним. Спельда не раз пугала своих старших детей, рассказывая были и небылицы о лесном страшилище.

– Будете плохо вести себя, – говаривала она, – придет Хрумхрымс и заберет вас.

Все глубже и глубже забиралась Спельда в лесную глушь. Деревья, обступавшие ее, эхом повторяли вой и рев притаившихся в зарослях диких зверей. Перебирая пальцами амулеты и обереги, надетые на шею, Спельда молилась о скором и благополучном возвращении домой.

Размотав до конца веревку, привязанную другим концом к Якорному дереву, Спельда остановилась. Дальше идти было нельзя. Она вытащила спрятанный в поясе нож, именной нож. Нож был очень важной вещью. Он был выкован специально для ее сына. Нож был необходим для Обряда Нарекания. А когда маленький тролль достигнет совершеннолетия, он станет обладателем собственного именного ножа.

Крепко сжав рукоять, Спельда вытянула руку вперед и, как требовал ритуал, острым лезвием отрубила кусочек от ближайшего дерева. Это была частица Темного Леса, которая должна открыть имя ее ребенка. Спельда действовала быстро: она прекрасно знала, что хруст ветки может привлечь чье-нибудь внимание и тогда дело для нее обернется очень скверно. Когда с ритуалом было покончено, она сунула кусочек дерева под мышку и поспешила обратно. Благополучно добравшись до Якорного дерева, она отвязала веревку и вернулась в свою хижину. Там она поцеловала кусочек дерева и бросила его в огонь.

– Имена у твоих братьев и сестер появились сразу же, – объяснила Спельда. – Уф, Пуф и Фырк. С ними все было очень просто. Но с тобой ничего не получилось. Дерево только потрескивало и шипело. Темные Леса отказывались называть тебя.

– И все же имя у меня есть, – сказал мальчик.

– Конечно есть! – ответила Спельда. – И все благодаря Вихрохвосту.

Прутик кивнул. Он хорошо знал, как это случилось. Вихрохвост после долгого отсутствия только что вернулся в деревню. Прутик помнил, как радовались и ликовали лесные тролли, что эльф-дубовичок снова с ними, – ведь Вихрохвост, в тонкостях знавший все премудрости лесных законов, был их другом, помощником и прорицателем. Именно к нему шли лесные тролли за советом, с ним делились своими бедами и горестями.

– Когда мы пришли к нему, у древнего колыбельного дерева, на котором он жил, уже собралась толпа. Вихрохвост сидел в пустом коконе, откуда вылупилась Птица-Помогарь, рассказывал, где он побывал и что повидал во время своих путешествий. Когда он увидел меня, глаза его широко раскрылись и он стал вертеть ушами.

– Ну, что у вас случилось? – спросил он. И я рассказала ему все. – Ах, не переживай, – сказал он. Затем указал на тебя. – Скажи, а что это на шее у твоего мальчика?

– Это его утешительный шейный платок, – ответила я. – Он с ним никогда не расстается и никому не позволяет дотрагиваться до него. Как-то раз отец попробовал отобрать у него платок, сказал, что мальчишка уже слишком большой, чтобы забавляться с такими вещами, но ребенок свернулся калачиком и зарыдал. Он заливался слезами до тех пор, пока мы не вернули ему его сокровище.

Прутик знал, что будет дальше. Он уже много раз слышал эту историю.

– Тогда Вихрохвост сказал: «Дай-ка его мне», и уставился на тебя своими огромными черными глазищами – у всех эльфов-дубовичков такие глаза, и они видят ими ту часть мира, которая скрыта от нас.

– И я сам отдал ему свой утешительный платок, – прошептал мальчик. Даже сейчас Прутику не нравилось, если кто-нибудь прикасался к его платку, и он всегда завязывал его на шее плотным узлом.

– Именно так и было, – продолжала Спельда. – Хотя сейчас в это верится с трудом. Но это еще не все, нет, не все...

– Нет, не все... – эхом отозвался Прутик.

– Он взял твой платочек, погладил его, нежно так, словно это живое существо, а затем легко провел по вышивке кончиками пальцев. «Колыбельное дерево», – сказал он наконец, и я поняла, что он прав. Мне всегда нравился рисунок: крестики, стежочки, – нет, действительно, на платке было изображено колыбельное дерево, и это было верно, как дважды два – четыре.

Прутик засмеялся.

– И самое странное было то, что ты не был против, когда старик Вихрохвост прикасался к твоему сокровищу. Ты просто сидел рядом с ним, серьезный и молчаливый. Затем он снова посмотрел на тебя и тихим голосом произнес: «Ты – частица Темных Лесов, маленький молчун. Обряд Нарекания не состоялся, но все равно ты – частица Темных Лесов. Частица Темных Лесов, – повторил он, сверкая глазами. – Имя тебе будет...»

– Прутик! – вмешался мальчик, которому стало невтерпеж молчать.

– Точно! – засмеялась Спельда. – Так ты и сказал! Прутик! Это было твое первое слово. И тогда Вихрохвост произнес: «Смотрите за ним хорошенько! Он у вас особенный!»

Особенный! Все же лучше, чем не такой, как все! Мальчик прекрасно понимал, что он особенный, и это помогало ему выживать в среде сверстников – детей лесных троллей, которые дразнили и нещадно колотили его. Ни одного дня не проходило без потасовок. Но самое худшее случилось во время игры в пузырь.

Раньше Прутик любил эту игру. Нельзя сказать, чтобы он был хорошим игроком, но его всегда увлекал охотничий азарт: в погоне за мячом приходилось много бегать. Игровой

площадкой служил большой участок свободной земли между деревней и лесом. Здесь, на опушке, сходились и пересекались тропы, проторенные многими поколениями лесных троллей. А по обочинам и между дорожек зеленели высокие пышные травы.

Правила игры были просты. Тролли разбивались на две команды, игравшие друг против друга, причем количество игроков не было ограничено. Главной задачей было поймать пузырь – мочевой пузырь ежеобраза, набитый сушеными бобами, – и пробежать с ним двенадцать шагов, громко считая вслух каждый прыжок. Если игроку удавалось это сделать, он имел право бросить пузырь в корзину, а меткий бросок удваивал количество очков. Но, поскольку земля часто бывала скользкой, а пузырь было нелегко удержать в руках, и к тому же команда соперника всегда пыталась отобрать мяч, добиться успеха было совсем не так просто, как могло показаться на первый взгляд. За восемь лет игры в пузырь Прутик так и не смог забить ни одного мяча.

В то утро не везло никому. После ливня на игровой площадке по колено стояла вода, и игра то прерывалась, то начиналась снова, после того как лесные тролли по одному бросали игру и, скользя по тропинке, уходили прочь.

Только уже к концу игры пузырь оказался близко от Прутика. Ему удалось схватить его, и, выкрикивая «Раз, два, три», он принялся большими скачками двигаться по тропинке к центру поля, зажав тяжелый пузырь под мышкой левой руки. Чем ближе игрок оказывался к корзине на счет «двенадцать», тем легче было бросать пузырь.

– Четыре, пять... – Но навстречу ему двигалось полдюжины членов команды противника. Он метнулся в сторону, прижавшись к самой бровке тропы. Соперники бросились наперерез, не давая ему пройти.

– Шесть, семь...

– Бросай мне! Прутик, бросай мне! – кричали ему члены его команды. – Передача!

Но Прутик не стал передавать мяч. Он сам хотел забросить его в корзину. Он хотел, чтобы его товарищи в восторге кричали «ура!», чтобы они хлопали в ладоши, радуясь, как он бежит вперед. Один раз в жизни он хотел оказаться героем.

Восемь, девять...

Его окружили со всех сторон.

– Бросай мне! – Это кричал Хрипун, который находился на другом конце площадки.

Прутик понимал, что, если он бросит мяч товарищу по команде, у того появится неплохой шанс. Но для Прутика это был не выход: ведь помнят лишь того, кто забил мяч, а не того, с чьей подачи это сделано.

Он помедлил секунду. Соперники окружали его все плотнее. Вперед было никак не прорваться. Не мог он и отступить. Он взглянул на корзину. Так близко она была и – так далеко! А он так хотел забить мяч! Он хотел этого больше всего на свете!

И тут в нем заговорил внутренний голос. «А в чем дело? В правилах ничего не сказано о том, что нельзя сойти с тропы». Прутик еще раз бросил взгляд на корзину и нервно сглотнул слюну. И в следующий миг он сделал то, чего не осмеливался сделать до него ни один лесной тролль: он сошел с тропы. Длинные стебли трав хлестали по ногам, пока большими скачками он не несся к корзине.

– Десять, одиннадцать, двенадцать! – торжествующе завопил он, забрасывая мяч в корзину. – Пузырь забит! – крикнул он и счастливо огляделся. – Я заработал двадцать четыре очка! Я забил пузырь! – Он замолчал. Лесные тролли из обеих команд гневно смотрели на него. Никаких восторженных возгласов. Никаких аплодисментов.

– Ты сошел с тропы! – ахнув, выкрикнул один из троллей.

– Никому нельзя сходить с тропы! – ужаснулся другой.

– Но... но... – заикался Прутик. – В правилах ничего не сказано...

Тролли не слушали его. Они, конечно, знали, что правила молчат об этом. Но зачем нужен такой пункт? Ни в игре в пузырь, ни в других случаях тролли никогда не сходили с тропы. Это было главное правило их жизни. Неписанный закон их жизни. Золотое правило, о котором не надо было и говорить. Так же бессмысленно было бы издать закон, обязывающий их дышать!

И вдруг, как по сигналу, все игроки навалились на Прутика. Настоящая куча-мала!

– Ты долговязый придурок! – кричали они, колотя и пиная мальчика. – Ты ненормальный длинноногий ублюдок!

Внезапно Прутик почувствовал острую боль в руке. Ее как огнем обожгло: он поднял глаза и увидел, что тролли, вцепившись ему в руку, выворачивают ее своими железными лапищами.

– Хрипун... – прошептал Прутик.

Дровосеки и хворостовязы были соседями. Хрипун был всего на неделю старше его, и они росли вместе. Прутик считал его своим другом. Хрипун ухмыльнулся, ущипнул его и, зажав нежную кожу своими грубыми пальцами, стал крутить ее. Прутик закусил губу, чтобы не заплакать. Не из-за боли – боль он умел переносить, – ему стало обидно, что даже Хрипун теперь против него.

Прутик побрел домой. Он был избит, весь в кровоподтеках и синяках, но даже не это угнетало его: ему было обидно, что он потерял единственного друга. Он не такой, как все.

Теперь вдобавок он остался один.

* * *

– Особенный, – сказал Прутик, фыркнув.

– Да, – подтвердила Спельда. – Даже небесные пираты признали этот факт, когда увидели тебя, – добавила она тихим голосом. – Вот почему твой отец... – Голос у нее дрогнул. – Вот почему мы... Вот почему ты должен уйти из дома.

Прутик окаменел. «Уйти из дома? Что она такое говорит?» Он обернулся и пристально поглядел на мать. Она плакала.

– Я не понял, – сказал он. – Ты хочешь, чтобы я ушел из дома?

– Я-то, конечно, не хочу, – зарыдала она. – Но меньше чем через неделю тебе исполнится тринадцать. Ты уже взрослый. И что ты будешь делать среди нас? Ты не можешь валить лес, как твой отец. Ты для этого не годишься. А где ты будешь жить? Наша хижина и так слишком мала. И теперь, когда воздушные пираты заметили тебя...

Прутик все туже накручивал прядь своих волос на палец. Три недели тому назад они с отцом ушли далеко в Темные Леса, где лесные тролли рубили деревья на продажу небесным пиратам.

Отец его мог пройти под самыми низкими ветками, а Прутику все время приходилось пригибать голову. Но и это не помогало. Снова и снова он стучался о стволы, и лоб у него превратился в сплошную шишку. В конце концов ему пришлось ползти на четвереньках, чтобы найти просвет между деревьями.

– А это наш новичок-лесоруб, – сказал Тунтум воздушному пирату, прилетевшему за древесиной.

Пират, оторвавшись от перекидного блокнота, оглядел мальчика с ног до головы.

– Ишь какой вымахал, – заметил он и снова углубился в бумаги.

Прутик не мог оторвать глаз от пирата. Высокий и стройный, с нафабранными бакенбардами, он выглядел величественно в треуголке и кожаной нагрудной пластине. И хотя его плащ был местами залатан, но плетеный воротник и манжеты, аксельбанты, галуны, позументы и золотые пуговицы были просто великолепны.

Прутик пытался вообразить, кого воздушный пират одолел, вооружившись кортиком с украшенной драгоценными камнями рукоятью, и откуда взялась зазубрина на его остром клинке. Он думал о том, что за чудеса видел воздушный пират в свою подзорную трубу, какие стены брал он штурмом, забросив на них железные кошки, до каких дальних стран добрался он, глядя на свой компас.

Внезапно воздушный пират снова взглянул на мальчика. Он заметил, что подросток смотрит на него во все глаза, и вопросительно поднял брови. Прутик опустил глаза, уставившись себе под ноги.

– Знаете, что я вам скажу, – обратился к Тунтуму воздушный пират. – На воздушном корабле найдется место для такого длинноногого юноши.

– Нет, – резко ответил Тунтум. – Большое спасибо за предложение, но – все-таки нет, – вежливо добавил он.

Тунтум знал, что его сын и десяти минут не выдержит на борту корабля. Небесные пираты были не просто бездельниками, но и отъявленными негодяями. Они могли ни за что перерезать тебе горло. Тролли соглашались иметь с ними дело лишь потому, что пираты щедро платили за летучую древесину, которую дровосеки добывали в Темных Лесах.

Воздушный пират пожал плечами.

– Не хотите – не надо. Хотя и жаль, – пробормотал он.

Тащась вслед за отцом по Темным Лесам, Прутик вспоминал о воздушных кораблях, которые проносились над ним высоко в небе на раздутых парусах, то слегка опускаясь, то взмывая ввысь, и исчезали вдалеке.

– Как бы я хотел плыть по воздуху! – прошептал он, и сердце его застучало сильнее.

«А пока придется заниматься более скучными вещами», – подумал он вслед за этим.

Когда они вернулись в хижину, Спельда была недовольна.

– Ох уж мне эти небесные пираты! – ворчала она. – Тунтум не должен был водить тебя туда, где можно их встретить. Теперь они не оставят нас в покое. Они вернутся за тобой, и это так же верно, как то, что я Спельда из племени дровосеков.

– Я видел только одного воздушного пирата, и ему было совершенно безразлично, буду я служить на воздушном корабле или нет.

– Это тебе только кажется, – возразила Спельда. – Вспомни, что случилось с Хромоногом и Кабанчиком. Их схватили, когда они спали в своих собственных постелях, и больше их никто никогда не видел. Я бы не хотела, чтобы такое произошло с тобой. Я этого не переживу. Это разобьет мое сердце.

За окном, в густой чаще, свирепо завывал ветер. Когда спустилась тьма, окрестность огласили всевозможные звуки: это просыпались ночные создания. Лягвожоры кашляли и плевались, чеханчики повизгивали, а толстолап, вопя, колотил себя в широченную волосатую грудь, чтобы покорить подругу. Где-то вдалеке Прутик различил знакомое ритмическое постукивание – это работали тролли-душегубцы.

– Чем же мне заниматься? – тихо спросил мальчик Прутик.

Спельда сморщила нос.

– Ты пока поживешь у моего двоюродного брата, Берестоплета, – сказала она. – Мы уже сообщили ему, и дядя тебя ждет. Это ненадолго, пока все не уляжется, – добавила она. – Молю небеса, чтобы там ты оказался в безопасности.

– А что потом? – спросил Прутик. – Потом я смогу вернуться домой?

– Да, – ответила Спельда, и мальчик понял сразу же, что она хочет еще что-то сказать.

– Но? – спросил он.

Спельда вздрогнула и прижала голову мальчика к своей груди.

– Ах, Прутик, мой дорогой мальчик, я должна тебе кое-что рассказать.

Прутик отстранился и взглянул на ее озабоченное лицо. Крупные слезы катились по ее щекам.

– Что случилось, мамочка? – нервно спросил он.

– Ах, Хрумхрымс! – выругалась Спельда. – Это не так-то просто.

Она печально посмотрела на мальчика.

– Я люблю тебя, как своего сына, Прут. С самого первого дня, как ты появился здесь.

Но ты мне не родной сын. И Тунтум тебе не отец.

Прутик недоверчиво посмотрел на нее.

– Тогда кто же я? – спросил он.

Спельда пожала плечами.

– Мы нашли тебя. Маленький пакет, завернутый в шаль. Ты лежал под нашим деревом.

– Вы нашли меня... – прошептал Прутик.

Спельда кивнула. Она наклонилась и пальцем указала на платок, повязанный у мальчика на шее.

– Мой утешительный платок? – спросил он. – Это и был он?

Спельда вздохнула.

– Да, та самая шаль. Та шаль, в которую ты был завернут. Та самая шаль, с которой ты не расстаешься ни на минуту.

Прутик погладил ткань дрожащими пальцами. Он услышал, как всхлипнула Спельда.

– Ах, Прутик, – проговорила она. – Хотя мы не твои настоящие родители, мы с Тунтумом всегда любили тебя как родного сына. Он просил меня попрощаться с тобой за него. Он сказал... – Она остановилась, погруженная в печаль. – Он просил передать тебе, что он, что бы ни случилось, всегда будет любить тебя. И никогда не забывай это.

Теперь, когда рассказ был закончен, Спельда могла целиком и полностью отдаться своему горю. Она в отчаянье зарыдала, и от всхлипываний содрогалось все ее тело.

Прутик встал на колени и обхватил руками плачущую навзрыд Спельду.

– Значит, я должен сейчас уйти? – спросил он.

– Так будет лучше, – ответила Спельда. – Но ты обязательно вернешься, мой мальчик, – неуверенно добавила она. – Поверь, мой дорогой. Я никогда не хотела рассказывать тебе эту историю до конца, но...

– Не надо плакать, – утешил ее Прутик. – Это еще не конец истории.

Спельда взглянула на него и снова всхлипнула.

– Ты прав, – храбро улыбнулась она. – Это лишь самое начало. Да, так оно и есть. История только начинается.

Глава вторая

Реющий червь

Громким эхом разносилась по Темным Лесам таинственная разноголосица, пока Прутик шагал по тропинке, вившейся между деревьев. Он поежился, потуже намотал платок вокруг шеи и поднял воротник куртки.

Ему совершенно не хотелось уходить из дома в тот вечер. Было темно и холодно, но Спельда настояла на своем.

– Лучше времени не выбирать, – несколько раз повторила она, складывая ему вещи в дорогу: кожаную бутыл, веревку, сверток с едой и – самое ценное – именной нож.

Наконец-то Прутик стал достаточно взрослым, чтобы носить его.

– Ночью трудно уходить, утром легче возвращаться. Ты помнишь эту поговорку? – говорила она, надевая на шею мальчика два деревянных амулета.

Прутик понимал, что Спельда храбрится изо всех сил.

– Но будь осторожен, – предупредила она. – Сейчас темно, а я знаю, что ты вечно спишь на ходу и мечтаешь.

– Да, мам, – ответил Прутик.

– Нечего дамамкать, – оборвала его Спельда. – То, что я говорю, очень важно. Умоляю тебя: никогда не сходи с тропы, если не хочешь повстречать ужасного Хрумхрымса. Мы, лесные тролли, всегда ходим только по тропе.

– Но я же не лесной тролль, – пробормотал Прутик. Слезы застилали ему глаза.

– Ты – мой ребенок, – сказала Спельда, крепко обнимая его. – Не сходи с тропы. Тролли это знают лучше тебя. А теперь прощай. И не забудь передать привет от меня дяде Берестоплету. Я уверена – ты скоро вернешься домой. Все будет нормально. Ты сам увидишь...

Спельда не смогла договорить. Слезы ручьями побежали из ее глаз. Прутик повернулся и зашагал прочь по темной тропке в черную мглу.

«Нормально! – думал он. – Нормально! А я не хочу, чтобы все было нормально. Нормально – играть в пузырь, нормально – валить деревья. Нормально – когда все отворачиваются от тебя и не принимают за своего. А разве у дядюшки Берестоплета что-нибудь изменится?»

Внезапно возможность стать юнгой на воздушном корабле показалась ему необыкновенно заманчивой. Конечно же, небесные приключения должны быть гораздо интереснее, чем скучная жизнь на земле!

Вдруг отчаянный вопль прорезал лесную глушь. На секунду Темные Леса погрузились в тишину. Мгновение спустя ночные голоса вновь раздались – и стали еще громче, чем раньше, как будто каждый обитатель зарослей вслух радовался, что не он пал в этот раз жертвой алчного хищника.

Шагая вперед по тропе, Прутик старался вспомнить, как называется каждый зверь, голос которого он слышал. Это помогло ему успокоить отчаянно бьющееся сердце. Над головой, в ветвях деревьев, повизгивали чеханчики и кашляли лягвожоры. Но ни один из них не представлял опасности для лесного тролля. Справа от тропы раздался хриплый клекот куроныра, собирающегося порскнуть вниз. Через секунду в воздухе раздался жалобный писк его жертвы – древесной крысы или индюшонка-листовичка.

Еще немного вперед, и Прутик замер, залюбовавшись серебристым лунным светом, мерцавшим и переливавшимся меж стволов и ветвей, блестящим на восковой листве.

Впервые в жизни он оказался в лесу после наступления темноты, и лес был невероятно красив.

Не отрывая глаз от серебристой листвы, Прутик машинально сделал шаг в сторону и – сошел с тропы! Лунный свет струился по волосам, омывая тело холодными лучами, и кожа Прутика сверкала металлом в морозном сиянии. Пар, вырывавшийся клубами у него изо рта, искрился.

– Не-ве-ро-ят-но! – пробормотал мальчик, сделав еще пару шагов в сторону.

Под ногами у него хрустела схваченная морозом земля. С плачущей дубоивы гроздьями свешивались сосульки, а на росистом дереве бусинками застыли переливающиеся, как жемчуг, капли росы. Тоненькое молодое деревце с листочками, напоминающими пряди волос, раскачивалось на ледяном ветру.

– По-ра-зи-тель-но! – воскликнул Прутик, двигаясь дальше. Он повернул налево.

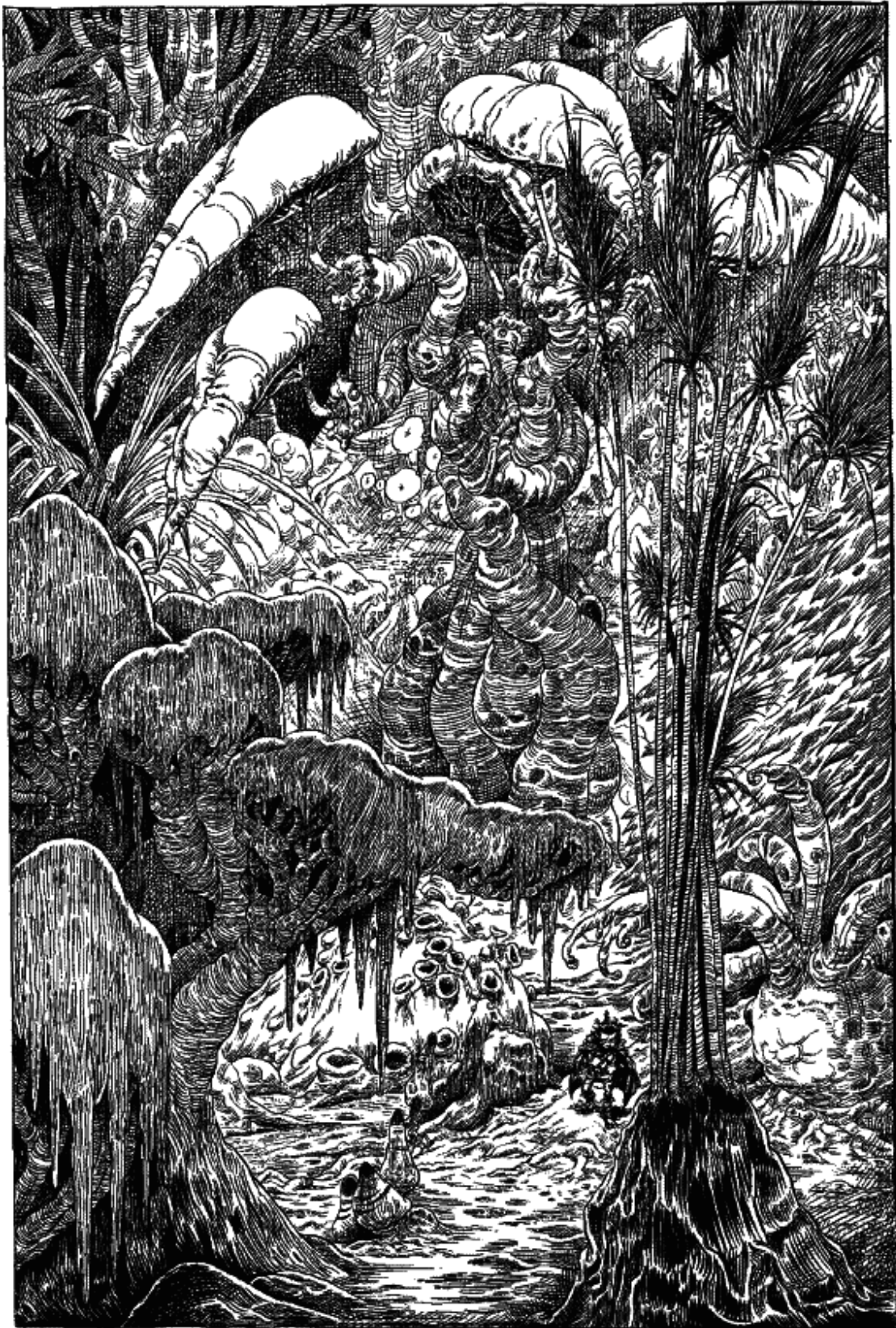
Потом направо. Поднялся по склону. Все казалось таким неизвестным, таким таинственным.

Он остановился у купы подрагивающих растений с остроконечными листьями. Стебли были усыпаны набухшими почками, мерцавшими в лунном сиянии.

И вдруг почки начали раскрываться одна за другой, и все растения одновременно покрылись массивными круглыми цветами, лепестки которых напоминали ледяные осколки; лесные цветы повернули свои головки к луне и засверкали во всем великолепии в ее лучах.

Прутик улыбнулся и пошел дальше.

– Еще чуть-чуть вперед... – сказал он себе. Куст-спотыкач сделал кувырок и исчез в темноте.

Позвякивали лунные колокольчики, в нарастающем ветре бренчали ягоды-бубенцы.

И вдруг Прутик услышал совсем иные звуки. Он резко обернулся. Маленькое пушистое существо с бурой шерсткой и винтообразным хвостом, перебирая лапками, бежало по лесу, повизгивая от страха. Крик совы пронзил ночной воздух.

Сердце у мальчика забилося. Он в страхе огляделся.

В лесной мгле он увидел множество глаз. Желтые глаза. Зеленые глаза. Красные глаза.

Разноцветные глаза уставились на него из чащи.

– Нет, только не это, – простонал он. – Что я вам сделал?

Он понял, что натворил. Предупреждала же его Спельда: «Никогда не сходи с тропы!» Но он, очарованный красотой серебряного бора, не послушался ее.

Он чуть не заплакал.

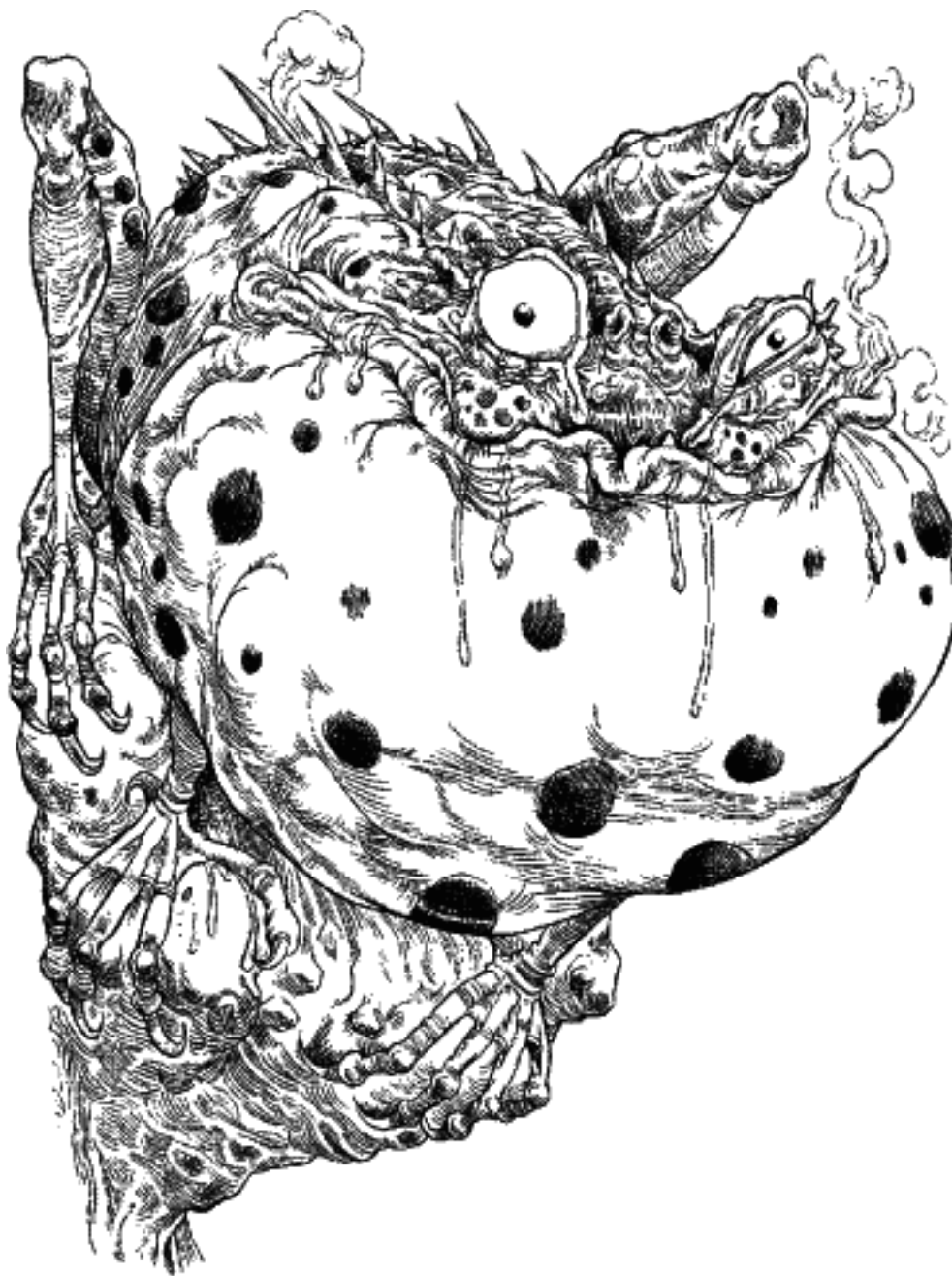
– Ну почему я ничего не могу сделать, как нужно? Какой же я дурак! Дурак! Дурак! – крикнул он сам себе. Спотыкаясь и падая, он в отчаянии пытался найти потерянную тропу.

И вдруг он услышал какой-то новый звук, заставивший его остановиться. Он услышал свистящее дыхание жабы-вонючки. Это было огромное и опасное пресмыкающееся: от зловонной струи воздуха, вырывавшегося у нее изо рта, жертва цепенела за двадцать шагов, а в десяти шагах падала замертво, задохнувшись от ядовитых испарений. Одной-единственной гнилой жабьей отрыжки оказалось достаточно, чтобы свалить с ног здорового дядюшку его друга Хрипуна.

Что делать? Куда бежать? Никогда раньше он не сбивался с пути в Темных Лесах. Он бросился налево, потом направо и снова остановился. Отовсюду ему слышалось свистящее дыхание жабы-вонючки. Он метнулся в тенистые заросли молодых деревьев и, сжавшись в комок, спрятался за стволом высокого кривого дерева.

Жаба-вонючка приближалась. Ее скрежещущий посвист становился все громче. Ладони у Прутика вспотели, во рту пересохло. Он не мог даже сглотнуть слюну. В немой жути зубы его отбивали барабанную дробь. Конечно же, жаба-вонючка услышит, как стучит его сердце...

Кажется, она ушла. Прутик осторожно выглянул из-за дерева.

«Ошибка!» – промелькнуло у него в мозгу. Он сразу же заметил, что на него из тьмы уставились два узких, как щелочки, глаза. Чудовище шелкало, рассекая воздух, длинным, скрученным кольцами хвостом. Внезапно жаба-вонючка надулась и стала ростом с быка: она явно вознамерилась направить в мальчика ядовитую воздушную струю. Прутик закрыл глаза, зажал двумя пальцами нос и прикрыл рот рукой. Раздался леденящий свист.

В следующую секунду он услышал за собой приглушенный звук падающего тела. Прутик нервно приоткрыл один глаз. На земле лежал лягвужор. Его пушистый, цепкий хвостик подрагивал. Прутик боялся пошевелиться. Жаба-вонючка высунула липкий язык, слизнула несчастного лягвужора и отправилась восвояси.

– Чуть не погиб, – с облегчением вздохнул Прутик, отирая пот со лба. – Был на волосок от смерти.

Луна приобрела молочно-белый оттенок, тени стали длиннее. Пока мальчик уныло брел вперед, мрак вокруг сгущался, окутывая его, как влажное одеяло. Должно быть, жаба-

вонючка ушла насовсем, но она в тот момент мало беспокоила его. Факт оставался фактом: он сбился с тропы и заблудился.

Прутик часто спотыкался, иногда даже падал. Волосы у него взмокли от пота, а сам он промерз до мозга костей. Он не знал, куда бредет, откуда пришел. Он устал, но каждый раз, когда хотел присесть и передохнуть, рык, вой или рев дикого зверя гнал его дальше.

Наконец он рухнул на колени и поднял голову к небу.

– Ах, Хрумхрымс! – помянул он нечистую силу. – Хрумхрымс! Хрумхрымс! – Голос его звенел в морозной тишине. – Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... – взмолился он. – Помоги мне выйти на тропу! Ах, зачем я сошел с тропы! На помощь! На помощь! На помощь!

– На помощь!

Вопль отчаянья прорезал лесной воздух. Прутик вскочил и огляделся.

– На помощь! – Нет, это было не эхо. Зов шел откуда-то слева.

Не задумываясь, Прутик бросился в том направлении. В следующий миг он остановился. А что если это ловушка? Он вспомнил рассказ Тунтума о троллях, которых притворными криками о помощи заманивает в лес жуткое чудовище по прозвищу Тесак, у которого сорок острых как бритва когтей. Он похож на упавшее дерево, пока случайно не наступишь на него. Тогда он вонзает свои когти в жертву и крепко стискивает ее, пока труп не начинает разлагаться и гнить, потому что эта мерзкая тварь питается только падалью.

– Ради бога, помогите хоть кто-нибудь! – позвал тот же голос, но на этот раз не так громко.

Прутик не мог больше делать вид, что он не слышит отчаянной мольбы о помощи. Он вытащил нож – как раз для таких случаев – и направился туда, откуда доносился голос. Не прошел он и двадцати шагов, как наткнулся на что-то торчащее из-под похожего на губную гармошку поющего куста.

– Эй, ты! – завопил кто-то.

Сначала Прутик увидел пару ног. Тот, кому они принадлежали, сел и гневно уставился на Прутика.

– Слушай, ты, осел! – воскликнул он.

– Извините, я... – начал Прутик.

– Ну чего ты на меня уставился? – перебил мальчика незнакомец. – Это невежливо.

– Извините, я... – повторил Прутик. Незнакомец был прав: Прутик действительно смотрел на него во все глаза. Луч лунного света падал на мальчика, освещая его румяно-красное лицо, полыхающие, как огонь, рыжие волосы и двухрядное ожерелье из зубов диких зверей. Его вид поразил Прутика.

– Ты – душегубец? – спросил он.

Действительно, из-за своей кроваво-красной наружности душегубцы выглядели весьма свирепо, а голоса их звучали грубо. Рассказывали, что многие поколения душегубцев проливали чужую кровь и она навеки впиталась в их поры и окрасила алым волосы. Тем не менее душегубцы были довольно мирным народцем: они промышляли охотой на волооков и разводили ежеобразов.

Племя душегубцев было ближайшими соседями лесных троллей. Они вместе занимались торговлей – продавали резные поделки из дерева и плетеные корзинки.

Однако и лесные тролли, и все прочие обитатели Темных Лесов испытывали к душегубцам неприязнь. Душегубцы были, как выражалась Спельда, «на дне колодца». Мясники. Никому не хотелось общаться с теми, у кого не только руки, но и все тело вечно было в крови.

– Ты кто, – спросил Прутик с недоверием, – душегубец?

– А если да, то что? – защищаясь, ответил паренек.

– Меня зовут Прутик, – представился мальчик, подумав, что не следует быть чересчур щепетильным в знакомствах, если ты потерялся в лесу.

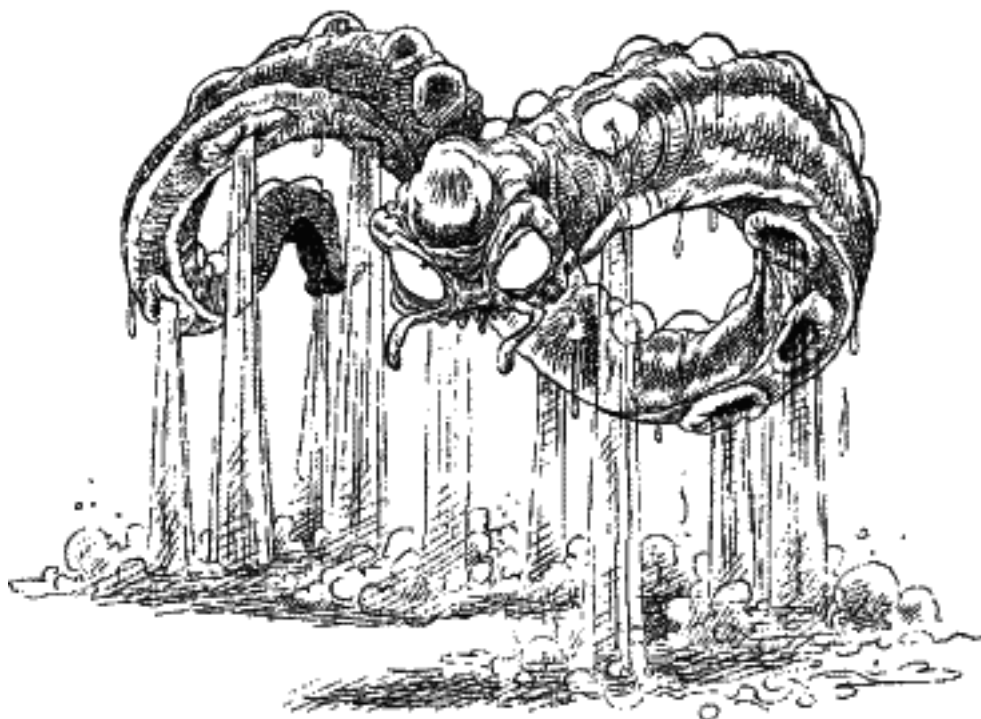
Паренек слегка прикоснулся ко лбу в знак приветствия и кивнул:

– А меня – Хрящик. Пожалуйста, помоги мне добраться домой, до моей деревни. Я не могу идти. Посмотри! – и он указал на свою правую ногу.

Прутик увидел шесть или семь ярко-красных точек на пятке. Вся нога раздулась вдвое. Опухоль росла на глазах: пока Прутик рассматривал ранки, ногу разнесло еще больше.

– Что с тобой случилось?

– Это... Это...

Прутик понял, что паренек неотрывно смотрит на кого-то за его спиной. Он услышал злобное шипение и обернулся. Там, извиваясь в ладони от земли, парила самая мерзкая из всех тварей, которых доводилось Прутику видеть.

Существо это было длинное, с бугристой кожей, и его склизкое зеленоватое тело прозрачно светилось в молочном лунном свете. Вдоль всего тела тянулись набухшие желтые отверстия, из которых сочилась прозрачная жидкость. Изгибаясь и корчась, гнусная тварь пялилась на Прутика холодными глазищами.

– Кто это? – шепотом спросил он у Хрящика.

– Реющий червь, – отвечал он. – Постарайся, чтобы он тебя не укусил.

– Я ему не дам, – храбро ответил Прутик, потянувшись за именным ножом. Но ножа не было. – Где мой нож? – закричал мальчик. – Мой именной нож!

И тут Прутик сообразил: оружие было у него в руке, когда он споткнулся о ноги Хрящика. Должно быть, нож упал на землю.

Испуганный до полусмерти, Прутик не мог оторвать глаз от чудовища даже на миг.

Чудище продолжало извиваться. Шипение исходило не из пасти, а из отверстий, расположенных в несколько рядов вдоль его брюха. Струи, выходящие из этих воздухопроводов, позволяли червяку держаться над землей.

Тварь приблизилась к Прутику, и мальчик неотрывно стал смотреть прямо в отверстую пасть. У этого гнусного создания были шероховатые губы и ряд гибких, постоянно шевелившихся усиков. Вдруг червь раскрыл рот.

Прутик в ужасе отпрянул. Из пасти чудовища высунулось множество щупальцев с присосками, и с каждой капала ядовитая слюна. Мерзкая тварь разинула пасть пошире, и щупальца, яростно извиваясь, выдвинулись вперед.

– Нож, – пробормотал Прутик, обращаясь к душегубцу. – Найди мой нож. – Он слышал, как Хрящик шарит руками в сухой листве.

– Я попытаюсь... – прошептал он. – Нет, не могу найти... Ага! Вот он!

– Давай! – в отчаянье крикнул Прутик.

Реющий червь подрагивал в воздухе, готовясь к атаке. Прутик протянул руку за ножом.

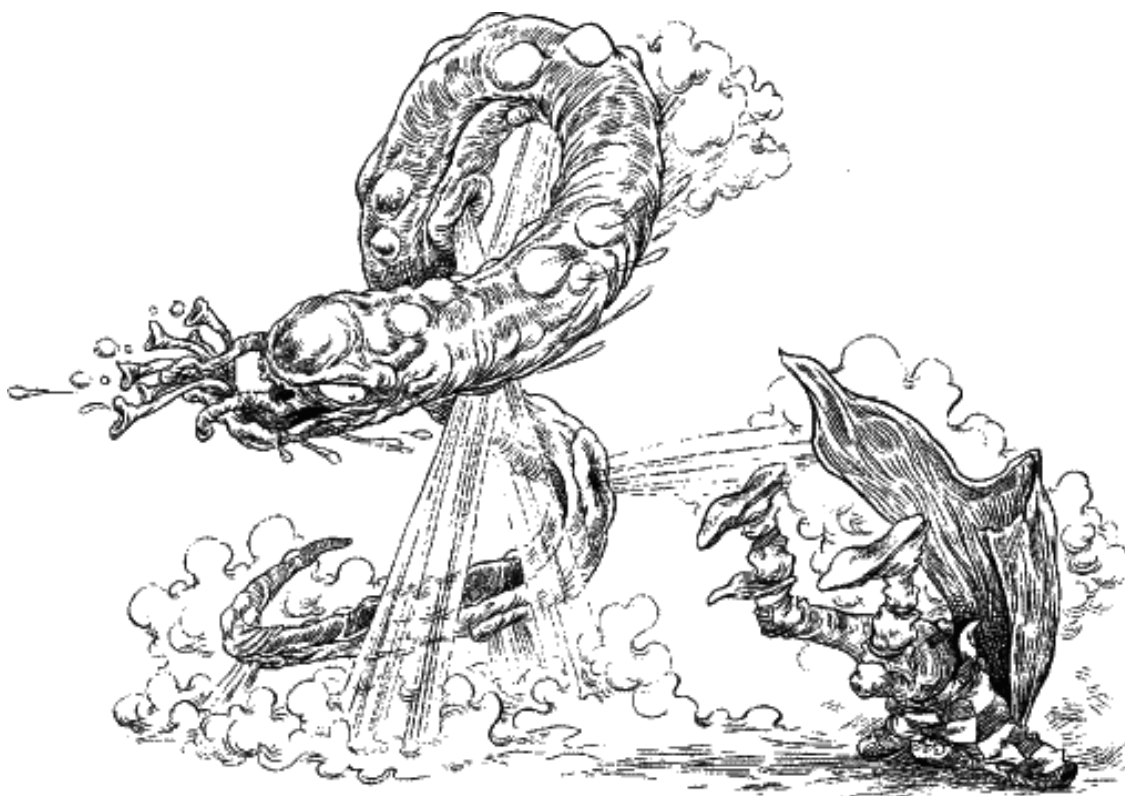
– Скорее! – торопил Прутик душегубца.

– Держи! – прошептал Хрящик, и Прутик почувствовал знакомую костяную рукоять в своей ладони.

Реющий червь раскачивался в воздухе – то назад, то вперед, – извиваясь всем телом и мотая головой. Прутик застыл. И вдруг, безо всякого предупреждения, червь сделал бросок, широко разинув пасть, из которой тошнотворно пахло прогорклым жиром, и высунув до предела щупальца. Он метил в шею мальчика.

Прутик отпрянул. Реющий червь изменил направление и, развернувшись, налетел на мальчика с другой стороны. Прутик вновь отклонился. Чудище, зашипев, повисло в воздухе, затем, свернувшись кольцом, возобновило атаку.

На этот раз гнусная тварь целилась прямо в лицо. И вот в ту самую секунду, когда чудовище уже собиралось присосаться змеистыми щупальцами, мальчик уклонился и сам ударил червя. Нож вонзился в мягкое брюхо страшилища, пропорвав ряд воздуховодов.

Результат последовал незамедлительно: как проколотый надувной шарик, чудовище скукожилось и с громким треском – пс-с-с-с-с! – стало вращаться над землей. Затем раздался громкий хлопок, тварь лопнула, и от нее остались только крохотные, осклизлые лоскутки желто-зеленой кожи, которые еще долго кружились над травой.

– Ура! – заревел Прутик, рассекая ножом воздух. – Я победил его! Реющего червя больше нет!

Пар вырывался у него изо рта. Ночь была промозглой, дул ледяной северный ветер. Но Прутик не чувствовал холода. Наоборот, ему даже стало жарко. Радость победы согрела его.

– Бобоги бде, – снова услышал он голос Хрящика, но на этот раз голос звучал как-то странно, словно душегубец говорил с набитым ртом.

– Сейчас, – отозвался Прутик. – Хрящик!!! – воскликнул он в изумлении.

Душегубца нельзя было узнать. Если до битвы Прутика с реющим червем у него была раздута только одна нога, то теперь все его тело вспухло, и он сделался похожим на огромный пунцовый воздушный шар.

– Прободи бедя добой, – невнятно пробормотал несчастный Хрящик.

– Но я не знаю, где ты живешь! – ответил Прутик.

– Я дебя одбеду. Подыби бедя. Я бокажу дебе, куда дадо ледедь.

Прутик нагнулся над душегубцем и обхватил его руками. Душегубец оказался на удивление легким.

Прутик поднял его и потащил по лесу.

– Нале. – сказал душегубец несколько минут спустя. – Обядь нале. А деперь пра... И пря... – Продолжая пухнуть на глазах, Хрящик говорил *еле-еле*. Даже простейшие слова с трудом давались ему. В конце концов он потерял дар речи, и ему приходилось вздувшимися пальцами надавливать Прутику то на одно плечо, то на другое, чтобы показать путь.

Если прежде Прутик петлял по лесу, то теперь он во всяком случае шел в определенном направлении. Его вели к чему-то новому и неизведанному.

– Ухх – ухх – ухх! – закричал Хрящик. – Вухх – вухх – вухх!

– Что? Что такое? – резко спросил Прутик.

Даже не получив ответа, он уже понял, что случилось. Тело душегубца почти ничего не весило, когда Прутик взвалил его себе на плечи. Теперь же оно совсем потеряло вес. Прутик испугался, что душегубец вот-вот взлетит.

Он попытался обхватить огромный шар руками за талию – вернее, за то место, где когда-то была талия, но это оказалось невозможным. Ему казалось, что он держит в руках бурдюк с водой, с той только разницей, что вода все же стремится вниз, на землю, а душегубец неуклонно рвался ввысь.

Прутик отер пот со лба. Затем он воткнул вздувшуюся массу между двумя ветвями, предусмотрительно выбрав дерево без колючек и шипов. Он не хотел, чтобы душегубец лоп-

нул у него на глазах. Он взял моток веревки, который дала ему Спельда в дорогу, привязал один конец к ноге Хрящика, а другим обмотал себя вокруг пояса. Теперь можно было двигаться дальше.

Вскоре идти стало трудно. С каждым шагом он едва удерживался на земле – настолько сильно его тянуло ввысь. Он шел, цепляясь за ветки деревьев и за кусты, чтобы не взлететь.

Но никакие ухищрения не помогали – душегубец, став воздушным шаром, неодолимо тянул мальчика вверх. Ноги его стали волочиться по земле, ветки выскользнули из рук, и он вместе с душегубцем взлетел в воздух.

Попытка Прутика развязать веревку не увенчалась успехом. Они поднимались выше и выше, в леденящую ночь, в открытое небо. Прутик смотрел на быстро уплывающую землю, и в голову ему пришла одна ужасная мысль.

Хрящика будут искать. Его семья и друзья наверняка бросятся на поиски, если он не вернется домой. Прутик же совершил то, чего никогда не делал ни один лесной тролль: он сошел с тропы. И теперь никто на свете не будет разыскивать его.

Глава третья

Душегубцы

Прутик продолжал подниматься. Холодный ночной воздух леденил его тело, а веревка остро впивалась ему под ребра. Он попытался сделать глубокий вдох, и тотчас же странный резкий запах ударил ему в нос. Это была смесь древесного дыма, кожи и еще какого-то едко пахнущего вещества. Хрящик, тащивший его за собой по небу, радостно хрюкнул.

– Мы рядом с твоей деревней? – спросил Прутик.

Хрящик снова хрюкнул, чуть громче, чем в первый раз. Неожиданно сквозь листву Прутик заметил мерцающие огни и кроваво-красный дым.

– Помогите! – что есть мочи заорал Прутик. – Помогите нам!

И тотчас же он увидел, что земля под ним буквально кишит кроваво-красными душегубцами: у каждого в руке был полыхающий факел.

– Мы наверху! – во все горло завопил Прутик. Душегубцы подняли головы. Один из них указал на мальчиков. И тотчас же, не говоря ни слова, душегубцы начали действовать.

Спокойно и методично каждый снял моток веревки, висевший через плечо, и завязал на конце петлю. Затем так же неторопливо и целенаправленно они начали бросать свои лассо-самоделки в воздух.

Прутик стонал от отчаянья каждый раз, когда лассо пролетали мимо них и шлепались на землю. Он широко растопырил ноги и руки. Душегубцы сделали еще одну попытку, но Хрящик взлетал выше и выше, и достать мальчиков с каждой секундой становилось все труднее.

– Ну давай, давай, – нетерпеливо бормотал Прутик, глядя, как безуспешно душегубцы стараются накинуть петлю ему на ногу. Он услышал сдавленный крик: это вздутое тело Хрящика зацепилось за одну из веток. В следующую секунду Прутик головой вперед нырнул в зеленую раскидистую крону. Потревоженная листва издавала густой аромат.

«Интересно, а как там, еще выше? – Прутик задумался. – Над Темными Лесами, в царстве небесных пиратов?»

Однако для размышлений и мечтаний время было не самое подходящее: плотная петля обхватила его вывернутую наружу ступню. Наконец-то одному из душегубцев удалось попасть в цель. Мальчик почувствовал, что его тянут вниз. Натяжение становилось все сильнее. Кто-то дернул веревку еще раз. И еще... Листья хлестали мальчика по лицу. Вот он увидел под собой землю, где стояли душегубцы – дюжины две, не меньше, – и все они дружно тянули за другой конец веревки.

Когда левая нога Прутика прикоснулась к земле, они тотчас же переключили свое внимание на Хрящика. Работая молча, они обмотали веревками его руки и ноги и разом потянули душегубца вниз. Затем один из них вытащил нож и перерезал веревку, стягивающую грудь Прутика. Наконец-то мальчик был освобожден от пут! Он низко поклонился, благодаря за спасение, и сделал глубокий вдох.

– Большое спасибо, – с трудом прошептал он, – дольше я бы не выдержал. Я... – Он посмотрел вверх.

Огромное тело Хрящика все еще парило в воздухе, и десятка два душегубцев, не выпуская веревку из рук, по воздуху тащили его в деревню. Прутик был предоставлен самому себе. Самым скверным было то, что начал идти снег.

– Огромное спасибо, – прохрипел он.

– Они волнуются за него, – раздался чей-то голос за его спиной.

Прутик обернулся. За ним стояла девочка из племени душегубцев, ее лицо было ярко озарено всполохами горящего факела. Прикоснувшись к своему лбу, она улыбнулась.

– Меня зовут Крепышка, – сказала она. – Я – сестра Хрящика. Он пропал целых три дня.

– Ты думаешь, он поправится? – спросил Прутик.

– Если успеют ввести противоядие до того, как он лопнет.

– Лопнет? – воскликнул Прутик. Только сейчас он представил себе, что могло случиться, если бы они взлетели еще выше.

Крепышка кивнула.

– Яд чудовища превращается в горячий воздух. Как ты думаешь, сколько можно выдерживать, если тебя надувают горячим воздухом? – мрачно спросила она.

Где-то недалеко прозвучал гонг.

– Пойдем, – пригласила она. – Ты, наверно, проголодался. Сейчас подадут завтрак.

– Завтрак? – изумился Прутик. – Но сейчас уже далеко за полночь!

– Конечно, – удивленно заметила Крепышка. – А ты разве завтракаешь утром? – засмеялась она.

– Вообще-то да, – признался Прутик. – Мы завтракаем по утрам.

Крепышка покачала головой.

– Ты какой-то странный... – сказала девочка.

– Нет, – усмехнулся Прутик, следуя за ней между деревьев. – Я не странный. Я – Прутик.

Перед ним лежала деревня душегубцев. Прутик остановился, чтобы получше рассмотреть ее. Она была совсем не такая, как его родная деревня. Душегубцы жили в приземистых хибарках, не похожих на хижины лесных троллей. И если те крыли свои домишки летучим деревом для легкости, душегубцы делали кровлю из плотной свинцовой древесины, чтобы их жилище не могло оторваться от земли. В их лачугах не было дверей – вход завешивали шкурой ежеобраза, защищавшей обитателей от сквозняков, а не от врагов.

Крепышка привела Прутика к костру, отблески которого он видел сквозь кроны деревьев. Огромный и жаркий, огонь горел на каменной круглой платформе, расположенной в самом центре деревни. В изумлении Прутик огляделся. Вокруг площадки густо валил снег, но здесь не падало ни снежинки. Купол теплого воздуха, подымавшийся над костром, растапливал снежные хлопья до того, как они успевали достичь земли.

Вокруг костра на козлах были установлены четыре столешницы, образующие квадрат.

– Садись куда хочешь, – пригласила Крепышка, устраиваясь за столом.

Прутик, усевшись рядом с ней, во все глаза глядел на бунтующее пламя. Хотя костер жарко полыхал, ни одно полено не взлетало вверх.

– О чем ты думаешь? – донесся до него голос Крепышки.

Прутик вздохнул.

– Там, откуда я родом, – сказал он, – жгут летучую древесину: воздушное дерево, колыбельное дерево... и жгут в печке... я никогда не видел таких костров на открытом воздухе...

– Ты хочешь в дом, под крышу? – озабоченно спросила Крепышка.

– Нет, – ответил Прутик. – Я не то хотел сказать. У нас там, где я вырос, когда холодно, все прячутся по домам. В плохую погоду очень грустно и одиноко. – Он не добавил, что ему всегда было там грустно и одиноко.

Когда на скамьях не осталось ни одного свободного места, на дальнем конце стола начали разливать суп. Над столами поплыл густой, пряный, дразнящий аппетит аромат, от которого у Прутика сразу засосало под ложечкой. Он только сейчас ощутил, насколько голоден.

– Я узнаю этот запах, – сказал он. – Что это?

– Это суп. Суп с колбасками из тильдятины, – ответила Крепышка.

Прутик улыбнулся. Ну конечно! Суп из тильдера был деликатесом у лесных троллей; его готовили только в праздник, в Ночь Чудес, и разрешалось его есть только взрослым. Каждый год он пытался представить себе, каков суп на вкус. Теперь ему предстояло узнать, что это такое.

– Подвинь-ка локоток, деточка, – услышал он чей-то голос за спиной. Прутик оглянулся. За ним стояла старушка из племени душегубцев. В одной руке она держала половник, в другой – горшочек с супом. Увидев Прутика, она отшатнулась в сторону, и улыбка тотчас исчезла с ее лица. Она даже вскрикнула.

– Привидение... – прошептала старушка.

– Не бойтесь, мамочка Татум, – успокоила ее Крепышка, склонившись к ней. – Это Прутик, наш гость. Он не из нашего племени. Это он спас Хрящика.

Старушка посмотрела на Прутика.

– Значит, это ты привел Хрящика домой? – спросила она.

Прутик кивнул. Старушка прикоснулась пальцами ко лбу и поклонилась.

– Добро пожаловать, – сказала она. Затем она подняла обе руки и громко, как в колокол, ударила несколько раз половником о горшочек с супом. – Тише! – крикнула она.

Взобравшись на скамью, оглядела застывшие в ожидании лица собравшихся.

– Среди нас находится храбрый молодой человек по имени Прутик. Это он спас Хрящика от верной гибели и привел его домой. Прошу вас всех поднять за него бокалы! Мы все приветствуем тебя, Прутик!

Тотчас же все душегубцы, сидевшие за столами, повскакивали со своих мест, и каждый, прикоснувшись пальцами ко лбу, поднял бокал.

– Да здравствует Прутик! – хором грянули они. Прутик застенчиво опустил глаза.

– Пустяки, – пробормотал он.

– А теперь тебе пора поесть, – сказала мамочка Татум, слезая со скамьи. – Я по глазам вижу, что ты голоден. Давай, давай, деточка, налегай! – добавила она, наливая полную поварешку супа ему в миску. – Это вернет цвет твоим бледным щечкам!

Вкус у супа из тильдятины оказался столь же необыкновенным, как и запах. Его варили на медленном огне до тех пор, пока колбаски не становились мягкими, и приправляли местными душистыми пряностями – зубчетыком и апельсиновой сушеницей.

Это было только начало завтрака. За супом последовали сочные бифштексы из ежеобраза, обваленные в муке из корня узлотрава и поджаренные на тильдеровом жиру. За этими блюдами подали земляничные яблоки и аппетитный голубой салат. Потом перед ним поставили медовую тягучку и мусс из колоколицы, а на десерт – сладкие вафли и печенье в патоке – просто пальчики оближешь! Прутик никогда в жизни не пробовал столько всяких вкусов! Посередине каждого из четырех столов стоял огромный кувшин с сидром, и кружка у Прутика всегда была полна до краев.

Пиршество продолжалось, атмосфера становилась все непринужденнее. Душегубцы, напрочь позабыв о своем госте, разгулялись и, разогретые то ли яблочным вином, то ли жаром полыхающего костра, стали шутить и громко смеяться, рассказывать друг другу анекдоты и горланить застольные песни.

А когда появился Хрящик, целый и невредимый после стольких приключений, выпавших на его долю, все как будто разом сошло с ума. Душегубцы затопали, закричали, засвистели и захлопали в ладоши. Их лоснящиеся лица зарумянились еще больше в отблесках яркого пламени. Трое из пирующих выбежали из-за стола и, посадив Хрящика на плечи, торжественно пронесли его трижды вокруг костра, а остальные душегубцы, ударяя в такт кружками по столу, хором затянули простенькую, но мелодичную песенку своими глубокими, сладкими как мед голосами:

Однажды душегубец забрался в Темный Лес.

Он в чаще заблудился и на три дня исчез.

Теперь он с нами снова. Ура! Ура! Ура!

И радуются взрослые, и рада детвора!

Они повторяли куплет снова и снова, но не все вместе, а по очереди. Когда за первым столом заканчивали петь первую строку, вступала группа за вторым столом и повторяла пропетое, а первый стол пел дальше. Потом вступал третий стол и четвертый, по очереди. Не

удержавшись, Прутик присоединился к хору. И вот уже через несколько секунд он вместе с остальными распевал легко запоминающиеся слова песенки, ударяя в такт кружкой по столу.

Сделав третий круг почета с Хрящиком на плечах, душегубцы приблизились к Прутику.

Они остановились позади него и опустили Хрящика на землю. Прутик вскочил и посмотрел спасенному душегубцу прямо в глаза. Все замерли. Затем, не говоря ни слова, Хрящик прикоснулся к своему лбу, торжественно сделал шаг вперед и положил пальцы на лоб Прутика. Лицо душегубца расплылось в улыбке.

– Теперь мы братья!

«Братья! Если бы так!» – подумал Прутик и вслух произнес:

– Спасибо тебе, Хрящик, но... Ой-ой-ой! – закричал он. Трое душегубцев внезапно подхватили его и усадили себе на плечи.

Весело раскачиваясь из стороны в сторону, Прутик сначала заулыбался, потом рассмеялся, и вот он уже хохотал от души, пока трое мужчин делали с ним круг почета, обходя столы, – и раз, и два, и три, и четыре, разгоняясь все быстрее. У мальчика даже голова закружилась от мелькавших мимо красных лиц, светившихся от счастья, и он подумал, что никогда в жизни его не принимали с таким теплом и радушием, как в деревне душегубцев. «Как хорошо было бы остаться здесь навсегда!» – подумал он.

В этот момент гонг прозвучал во второй раз. Трое душегубцев остановились как вкопанные, и Прутик снова почувствовал землю под ногами.

– Завтрак окончен, – пояснила Крепышка, когда душегубцы, все еще смеясь и распевая песню, поднялись из-за столов, чтобы вернуться к работе. – Не хочешь ли пройтись? – спросила она Прутика.

Мальчик улыбнулся и потупил глаза:

– Я не привык разгуливать так поздно.

– Но еще только полночь! – удивился Хрящик. – Кто же спит в такое время!

Прутик снова улыбнулся.

- Но я был на ногах весь день! – объяснил он. Крепышка повернулась к брату:
- Если Прутик хочет спать...
- Нет, нет, – решительно возразил Прутик. – Пойдем прогуляемся.

Сначала ему показали загончики для ежеобразов. Прутик постоял у низких ограждений, любуясь косматыми животными с закрученными рогами и печальными глазами. Они сонно жевали жвачку. Прутик перегнулся через загородку и погладил одного зверька по спине. Но не тут-то было. Ежеобраз злобно мотнул головой и ударил мальчика рогом по руке. Прутик испуганно отскочил.

– Они только с виду такие тихие да безобидные, – пояснила Крепышка. – Ежеобразы непредсказуемы – это у них в крови. Никогда не поворачивайся к ним спиной – могут напасть сзади.

– И еще они неповоротливые, могут ногу отдавить. Вот почему мы все носим сапоги на толстой подошве, – добавил Хрящик.

– У нас есть поговорка: «Улыбка ежеобраза подобна ветру». Никогда ведь не знаешь, когда ветер переменится, – сказала Крепышка.

– Но мясо у них зато очень вкусное! – заключил Хрящик.

Потом Прутика повели в копильню. Там Прутик увидел туши тильдеров, висевшие длинными рядами на крюках. Из огромной печи, которую топили красnodубом, шел густой багровый дым, который придавал ветчине из тильдятины такой характерный дух и цвет.

Именно этот дым и окрашивал багрянцем кожу душегубцев.

При обработке всякая часть туши шла в дело. Кости высушивали и использовали как топливо, жир шел на приготовление пищи, его также жгли в масляных лампах и делали из него свечи, им смазывали шестерни на валах, из грубой шерсти плели канаты, а из рогов вырезали всякие разности, от ножей и вилок до буфетных ручек. Но самой ценной у тильдера была кожа.

– А вот здесь выделывают шкуры, – сказал Хрящик.

Прутик наблюдал, как меднолицые мужчины и женщины колотили по шкурам большими круглыми камнями.

– Я уже слышал этот звук, – сказал он. – Когда ветер дул с северо-запада.

– От этого кожа становится мягче, – объяснила Крепышка. – Ее легче обрабатывать.

– А это – красивые чаны, – показал Хрящик, когда они прошли дальше. – Мы берем для краски самую тонкую кору свинцового дерева, – с гордостью пояснил он.

Прутик наклонился над чаном и понюхал пар, поднимавшийся оттуда. Это был тот самый запах, который он ощутил, пролетая над деревней.

– Вот почему кожа, которую мы выделяем, нравится всем, – произнесла Крепышка.

– Самая лучшая в Темных Лесах, – добавил Хрящик. – Ее берут даже небесные пираты.

Прутик обернулся:

– А вы торгуете с небесными пиратами?

– Наши лучшие покупатели, – объяснила Крепышка. – Они нечасто заезжают, но уж когда появляются, то скупают все, что у нас есть.

Прутик кивнул, но мысли его витали далеко. Он еще раз представил себе, как он стоит на носу пиратского корабля: луна сияет над ним, ветер ерошит его волосы, а он плывет по небу на раздутых парусах.

– А они скоро вернуться? – спросил он наконец.

– Небесные пираты? Они были здесь недавно. Теперь долго не появятся, – ответил Хрящик.

Прутик вздохнул. Внезапно он почувствовал усталость. Крепышка заметила, что глаза у него стали слипаться, и взяла его за руку.

– Пойдем, – скомандовала она. – Тебе пора отдохнуть. Мамочка Татум скажет, где ты можешь лечь.

На этот раз Прутик возражать не стал. Он еле держался на ногах. В полном изнеможении он следовал за Хрящиком и Крепышкой. В хижине, куда они вошли, какая-то женщина сбивала в миске красное месиво. Оторвавшись от работы, она посмотрела на мальчика.

– Прутик! – воскликнула она, вытирая руки о передник. – Я так ждала тебя!

Засуетившись, она бросилась навстречу ему и крепко обняла своими пухлыми руками.

Ее макушка едва доходила Прутику до подбородка.

– Спасибо тебе, бледнокожий, – всхлинула она. – Большое тебе спасибо. – Отступив на шаг, она промокнула уголки глаз краем передника. – Не обращай внимания, – потянула она носом. – Я всего лишь старая глупая женщина.

– Мамочка Татум, – обратилась к ней Крепышка, – Прутик хочет спать.

– Я вижу, – ответила она. – Я уже постелила ему в гамаке. Но перед этим... Есть два важных дела, которые... – Она стала яростно рыться в комоде, и в воздух одна за другой полетели вещи, которые ей были не нужны. – А-а-а, вот она наконец! – воскликнула мамочка Татум, протянув Прутику большую меховую жилетку. – Примерь-ка!

Прутик накинул жилетку поверх своей кожаной куртки. Жилетка пришлась ему впору. – Какая теплая! – воскликнул он.

– Из шкуры ежеобраза, – пояснила мамочка Татум, застегивая пуговицы на жилетке. – И не на продажу, – добавила она. Мамочка Татум кашлянула, чтобы прочистить горло. – Прутик, – торжественно продолжила она, – я прошу тебя принять в дар эту жилетку в знак моей благодарности за то, что ты привел Хрящика домой целым и невредимым.

Прутик был растроган до слез.

– Спасибо, – прошептал он. – Я...

– Погладь мех, – сказал Хрящик.

– Что? – переспросил Прутик.

– Погладь мех, – повторил душегубец, лукаво хихикнув.

Прутик провел ладонью по пушистому густому меху.

– Мне очень нравится, – сказал он.

– А теперь в другую сторону, – настаивал Хрящик.

Прутик сделал то, что ему велели. На этот раз шерсть вздыбилась и стала колючей-преколючей.

– Ой! – вскрикнул Прутик, а Хрящик и Крепышка рассмеялись. Даже мамочка Татум улыбнулась. – Как иголки! – Прутик пососал ранку от укола.

– Никогда в жизни не гладь ежеобраза против шерсти, ни живого, ни мертвого, – усмехнулась мамочка Татум. – Я рада, что тебе нравится мой подарок. Он сослужит тебе хорошую службу...

– Вы так добры ко мне... – начал было Прутик, но мамочка Татум еще не закончила.

– А это сохранит тебя от непредвиденных опасностей, – сказала она, надев искусно выделанный кожаный амулет ему на шею. Прутик усмехнулся.

«Все матери одинаково суеверны», – подумал он.

– Нечего ухмыляться, – оборвала его мамочка Татум. – Я по твоим глазам вижу, что тебе предстоит далекий путь. И на этом пути тебе встретится множество опасностей. И хотя

на всякий яд есть противоядие, – добавила она, посмотрев на Хрящика, – если ты попадешь в лапы Хрумхрымса, спасения не будет.

– Хрумхрымса? – переспросил Прутик. – Я слышал про него.

– Самое ужасное существо на свете, – сказала мамочка Татум. Голос у нее дрогнул. – Нападает на душегубцев. Прячется в тени, поджидая. Затем хватает жертву и вонзает в нее острые когти.

Прутик нервно жевал уголок своего утешительного платка. Это тот самый Хрумхрымс, который наводит страх на лесных троллей, – ужасный и коварный зверь, который заманивает к себе троллей, сбившихся с тропы, и доводит их до смерти.

А мамочка Татум продолжала:

– Хрумхрымс съедает свою жертву живьем, пока сердце у нее еще бьется, – прошептала она, и голос ее замер. – Вот так! – громко закончила она, ударив в ладоши.

Прутик, Крепышка и Хрящик подскочили со своих мест.

– Ма-а-а-а... – жалобно заныла Крепышка.

– Ну ладно, – сурово произнесла мамочка Татум. – Вы, молодые люди, всегда все поднимаете на смех. А к Темным Лесам надо относиться со всей серьезностью. И пяти минут не проживешь, если будешь там вести себя легкомысленно. – Затем она наклонилась и горячо взяла Прутика за руку. – А теперь иди отдыхай.

Это не надо было повторять дважды. Он последовал за Хрящиком и Крепышкой, которые вышли из хижины и направились к деревенской площади, где висели гамаки.

Привязанные к огромным стволам мертвых деревьев, образующих треугольник, они тихо покачивались. Прутик полез вслед за Хрящиком по веревочной лестнице, прикрепленной к одному из стволов.

– Вот этот – наш, – указал душегубец на гамак в верхнем ряду. – А вот твоя постель.

Прутик кивнул:

– Спасибо.

Стеганое одеяло, оставленное мамочкой Татум для него, находилось в самом дальнем конце гамака. Прутик на четвереньках добрался до своего места и нырнул с головой под одеяло. Через мгновение он уже крепко спал.

Первые лучи восходящего солнца его не разбудили. Он не проснулся, даже когда душегубцы с грохотом волокли под гамаками огромную каменную плиту, на которой догорал костер. Он спал мертвым сном, когда Хрящик, Крепышка и другие члены семьи мамочки Татум, отправляясь на покой, влезли в гамак и расположились по обе стороны от него.

Прутик погрузился в пурпурно-красный сон. Он танцевал с красным народцем в огромном красном зале. Еда была красной, питье было красным, даже солнце струило красные лучи сквозь высокие окна. Это был счастливый сон. Сладкий сон. И вдруг сквозь дрему он услышал чей-то шепот.

– Удобно, уютно, – бормотал ему кто-то. – Но разве это твой дом?

Прутику снилось, что он с трудом разлепил сонные глаза и огляделся. Чья-то тощая фигура в плаще маячила за столбом. Незнакомец ногтем провел по дереву, оставив глубокую царапину на красной поверхности. Мальчик сделал осторожный шаг вперед. Он не отрываясь смотрел на царапину: она кровоточила, как открытая рана. Внезапно кто-то зашептал ему прямо в ухо.

– Я все еще здесь, – услышал Прутик. – Я всегда здесь.

Мальчик обернулся. Никого.

– Ты, маленький глупец, – снова раздался голос, – если хочешь узнать свою судьбу, следуй за мной.

Прутик в ужасе смотрел на костлявую руку с желтыми когтями, появившуюся из-под складок плаща. Чудовище хотело дотянуться до капюшона и откинуть его назад, чтобы показать Прутику свое лицо. Мальчик пытался отвернуться, но был не в силах двинуться с места.

Внезапно странное существо опустило левую руку и рассмеялось наводящим ужас квакающим злобным смехом.

– Скоро ты познакомишься со мной поближе, – прошипело кошмарное создание и заговорщицки пригнулось к нему.

Сердце у Прутика бешено колотилось. Он уже ощущал горячее дыхание чудовища и затхлый дух плесени, источаемый его плащом.

– ПРОСЫПАЙСЯ!

Неожиданный возглас взрывом грянул в голове Прутика. Вскрикнув от испуга, он открыл глаза и в смятении огляделся. Было светло. Он лежал на чем-то мягком, раскачиваясь высоко над землей. Вокруг были странные существа с кроваво-красной кожей. Все они мирно похрапывали. Мальчик посмотрел на Хрящика и внезапно вспомнил все, что произошло вчера.

– Просыпайся, вставай! – услышал он.

Прутик перевернулся, встал на колени и посмотрел вниз, через край гамака. Под ним стоял душегубец – единственный из всех, кто был на ногах. Он ворошил поленья в костре.

– Это ты меня звал? – крикнул ему Прутик. Душегубец, легко коснувшись пальцами лба, кивнул.

– Мамочка Татум велела, чтобы я не давал тебе спать весь день, мастер Прутик, – ответил он. – Ты же дневное существо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.